

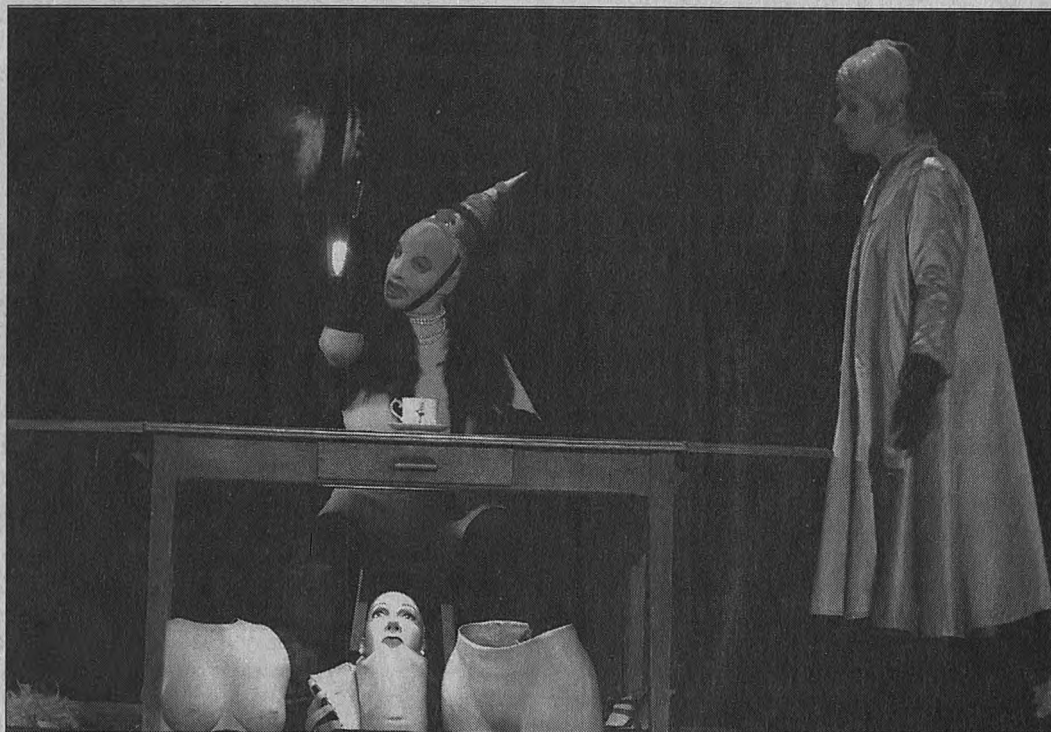
Визит дамы

Французские «Служанки» заехали в Москву

Антон Красовский

В своей чарующей глянцевой книжке режиссер Виктюк вспоминает, как он, баловник и затейник, ставил «Служанок» в «Сатириконе». Год это был 1987-й. Съезд партии, антиалкогольная кампания, байки про Мишку меченого. А тут – на тебе – мужики в колготках и всякая антисоветчина: «Дебаты в Верховном совете, шествия коммунистов, все эти лица – это мои служанки, – пишет Роман Григорьевич. – Это Клер и Соланж. Это все плебс. Я видел спектакли, в которых играли артистки. Тогда это превращалось в кухонную свару, частный случай, сведение счетов из-за какого-то молочника. Когда же это играют артисты, то есть совершенно отчужденно, и во главе угла стоит эстетика Оскара Уайльда: искусство – покрывало на жизни, искусство определяет жизнь, эстетика не правдоподобия, а взрыва подсознания, тогда открывается философия Жене». Удивительно, никогда бы не согласился с Виктюком, если б не видал одноименный спектакль в постановке Альфредо Ариаса.

Ариас – приятный господин с томным взором из-под роговых очков. Родился в Аргентине; сколотил там труппу, потом вместе с ней переместился на дружелюбную французскую землю. Начал ставить оперы, звать на роли Изабель Аджани, давать

Бал-маскарад, увы, не получился. А все его так ждали!

Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

интервью «Le Figaro» – словом, разгулялся широко. Был знаком с Жене, утверждает даже, что тот звал его когда-то на роль в кино и что теперь – спустя много лет после смерти Вора – «Служанки» – некая дань его памяти, занятное современное прочтение. И вот тут-то вся загвоздка – Ариас сделал спектакль на женщин, превратив «философию Жене» в «кухонную свару». Впрочем, Роман Григорьевич был замечен в кулуарах, так что это уже не его капризы.

Служанок играют две тетки – обычные французские артистки, таких имеют обыкновенные снимать в сериалах про судей и шпионок. Хозяйку – сам Ариас, натянувший на себя чулок, маску, корсет с сиськами и дикую пластмассовую задницу. Получается история про мерзавок-лесбиянок, травящих трансвестита-хозяина ради эфемерного обогащения. Травящих, а потом в испуге отправляющихся вслед за ним – в преисподнюю. Скучно, места-

ми очень. И даже Ариас, явившийся публике в легком крепдешиновом платьице, с походкой тетушки Чарлей и манерами великосветской эротоманки, не спасает положение. Монотонный текст, перевод которого мелькает титрами где-то под потолком, резкие терзания немолодых, но бедных женщин, мутное очарование искусственных роз – все это усыпляет, заставляет сопеть и урчать. Негромко, вполголоса, чтоб не разбудить соседа. ■